

Глава 19. Давай звать тебя Тан-Тан, хорошо?

Грохот!

Раскат грома словно взорвался над самым ухом. По чернильному небу полоснула белая молния, гром загремел снова, будто вот-вот собирался ударить ещё раз.

И в сердце Цзян Тана в тот миг тоже грохнул свой гром.

Вот же чёрт... выходит, он и правда уже лишился кости судьбы?

Но в книге ведь говорилось, что благие звери после извлечения кости судьбы не жили и семи дней. А он, как ни считай, прожил уже больше месяца. Поначалу телу и правда было нехорошо, но даже вчера вечером перед сном у него ничего особенно не болело. Он ел, пил, даже после отравления приходил в себя. Разве так выглядит тот, кому осталось недолго?

Он-то ещё думал, что проживёт несколько десятков лет!

И всё же... великий злодей залил Цзэян кровью, допрашивая Сун Юнчжэна, а первым делом стал расспрашивать о его кости судьбы. Как это ни назови, а Цзян Тан даже растрогался.

Пусть злодей и выглядит страшным, в решающий момент он всё-таки думал о том, выживет ли он. Значит, все эти поцелуйчики, тёрки и липучки последних дней пропали не зря. Надо и дальше стараться, стать у великого злодея любимцем номер один — таким, что сможет под его крылом важничать и задирать нос!

Собирался дождь.

Сун Юнчжэн дрожал от боли без остановки.

Он терпел не только муку отрубленной руки: фиолетовое громовое пламя, словно яд, вьёвшийся в кость, рвало культу снова и снова. И всё же, когда Фу Линцзюнь спросил, кто тогда играл на сюне, в глазах Сун Юнчжэна вспыхнуло лишь безумие.

— Даже не мечтай узнать от меня, что тогда было! — прорычал он.

В голосе звучали злорадство и истерика.

— Раз так, — по-прежнему мягко и спокойно произнёс Фу Линцзюнь и легко опустил ладонь, в которой прыгало громовое пламя, на плечо Сун Юнчжэна, — тогда можешь больше ничего не говорить.

Что-то тяжёлое с глухим стуком рухнуло на землю.

— А-а-а!!! — Сун Юнчжэн завыл, в ужасе, боли и даже в запоздалом раскаянии.

Он и представить не мог, что Фу Линцзюнь, разорвавший печать долины Тяньбэй и вышедший наружу, окажется настолько силён!

Он ведь осмелился явиться только потому, что был уверен: многочисленные защитные артефакты уберегут его от этого безумца. На только что отсечённой руке был защитный артефакт, выкованный самим святым Цзян Чаньюанем. Ни один культиватор ниже ступени святого не смог бы пробить такую защиту, не говоря уже о том, чтобы просто проигнорировать её и одним движением отсечь руку!

Скорость, с которой рос Фу Линцзюнь, была поистине чудовищной!

Знал бы он, просто спрятался бы где-нибудь и дождался, пока подспеют святой и остальные!

В голове Сун Юнчжэна мелькали одна мысль за другой, но в конце концов страх смерти пересилил всё. Другой рукой он вцепился в рукав Фу Линцзюня:

— Я скажу, скажу... только не убивай меня, не убивай...

Надо тянуть время. Тянуть, пока святой не придёт его спасать! Отрубленную руку можно отрастить при помощи небесных сокровищ, а вот если погибнешь — это уже конец!

Фу Линцзюнь смотрел на него безразлично.

— Раньше я не был до конца уверен, — опустив глаза, он глянул, как грязная земля под ногами медленно наливается красным. — Но теперь, кажется, догадался.

Громовое пламя в его руке поднялось к шее Сун Юнчжэна и легко скользнуло вниз.

И в этот миг из пустоты вырвался веер из белой кости с нефритовой рукоятью. Он тяжело ударил Фу Линцзюня по тыльной стороне ладони, заставив его на миг замедлиться.

Шагнув по воздуху, появился даосский святой Янь Цунси из секты Лянъи. Костяной веер уже вернулся в руку хозяина.

Полы синего даосского одеяния взметнулись. Янь Цунси рухнул с неба на землю так тяжело, что под ногами пошли трещины.

— Фу Шэн! Отпусти его! — громко крикнул он.

Наконец хлынул дождь, который так долго собирал в себе гром.

Тонкий слой бледно-фиолетового громового пламени лёг на тело Фу Линцзюня и заодно укрыл пушистый комочек у него на груди.

Капли застучали по земле, как рассыпанный горох, и от сухой почвы потянуло сырой, земляной духотой.

Белые молнии, точно чудовище, вырвавшееся из клетки, точно бесчисленные ядовитые змеи, точно переплетённые корни древнего дерева, уродливыми ветвями расползались во все стороны, разрезая небо на клочья.

На Янь Цунси Фу Линцзюнь даже не взглянул.

Святые могли ступать по пустоте. И кроме Янь Цунси, в чёрном небосводе стоял ещё один мужчина в белом.

Под этим расколотым небом он завис в пелене дождя. Тонкая завеса света на его теле отсекала летящие струи воды. Он неспешно спускался вниз, будто воздух под ногами сам складывался в ступени.

Даосский святой Цзян Чаньюань.

Один из тех, кто тысячи лет назад запечатал Фу Линцзюня в долине Тяньбэй.

Фу Линцзюнь сквозь стену дождя смотрел, как Цзян Чаньюань спускается по пустоте, чуть приподнял бровь, а затем сменил положение руки и тем же громовым пламенем отсёк Сун Юнчжэну вторую грязную руку.

— А-а-а!!! — лицо Сун Юнчжэна перекошило, крик за криком рвались наружу.

— Фу Шэн, да как ты смеешь! — Янь Цунси пришёл в ярость. Костяной веер в его руке вмиг раздвоился, рассыпался множеством теней и выстрелил в Фу Линцзюня со всех сторон.

Едва получив духовное послание Сун Юнчжэна, они на предельной скорости помчались на Северный Водный континент. И теперь позволить Фу Линцзюню прямо у них на глазах истязать Сун Юнчжэна — разве это не пощёчина им обоим?

Среди семейных культиваторов тех, кто поднимался до святой ступени, было крайне мало —

недаром существовало выражение «десятитысячелетний святой Дао». Янь Цунси был учеником даосского святого Су Яовэя из секты Ваньтин, и даже веер из кости цзяолуна достался ему от наставника. По известности уступал он разве что Цзян Чаньюаню.

Такой человек, конечно, был горд.

Тени костяного веера зашли со всех сторон, но едва приблизились к Фу Линцзюню, как целиком сгорели в море громового пламени. Назад в руку Янь Цунси вернулся лишь настоящий веер.

Телосложение Фу Линцзюня было особенным. Он родился со способностью управлять громовым пламенем. Во всём сущем, где есть хотя бы капля влаги, громовое пламя способно проникнуть внутрь и разрушить цель изнутри.

Вот почему он так легко отсёк Сун Юнчжэну руку: кровь в человеческом теле тоже была превосходной пищей для громового пламени.

Шёл дождь. И если бы он захотел, то мог бы одним махом пожать жизни всех, кто стоял под этим дождём.

— Почему это я не смею? — Фу Линцзюнь посмотрел на Янь Цунси, полыхавшего яростью, и губы его тронула издевательская усмешка. Взмах — и он отрубил Сун Юнчжэну ногу.

Крики, мольбы, ругань — всё вперемешку било по ушам. А выражение лица Фу Линцзюня становилось всё расслабленнее. Глаза у него ярко блестели: было видно, как сильно ему нравится чужая борьба и чужая боль.

— Раньше я думал, что, перебив родных и близких, ты всего лишь обезумел из-за отклонения в практике. Тогда, учитывая твою юность, я пощадил тебя. Но теперь ясно: оставлять тебя в живых нельзя!

Янь Цунси раздвоился на несколько призрачных теней и метнулся к Фу Линцзюню.

Бледно-фиолетовые дуги вспыхнули на кончиках пальцев Фу Линцзюня. Затем по бескрайней завесе дождя хлынуло громовое пламя — необъятное, как потоп, — и чёрное небо целиком обратилось в фиолетовое зарево.

В то мгновение, как пламя разлилось, Янь Цунси замер на месте. Молнии заскользили по его телу, словно бесчисленные змеи, опутывая его так плотно, что он не мог пошевелиться.

И это — лишь потому, что он уже вступил на святую ступень.

Стоявший ближе всех Сун Юнчжэн был сожжён дотла в одно мгновение. Ливень смыл этот пепел, и от него не осталось и следа.

Те культиваторы из Цзэяна, что стояли дальше, всё ещё орали, размахивали артефактами и с трудом сдерживали Сян Сина. Но громовое пламя окружило и их. Сян Син одним ударом цепи сметал по несколько человек сразу, а когда они лишались духовной защиты, пламя мгновенно пожирало и тех, кто ещё цеплялся за жизнь.

С этого дня рода Сун из Цзэяна больше не существовало.

Цзян Чаньюань оглядел охватившее всё кругом громовое пламя. Светлая дымка на его теле постепенно приобрела золотой оттенок. Он быстро сплёл печати обеими руками и заговорил:

— Таинственная школа Неба и Земли, бесчисленные ци без корня...

Голос его был гулким, как колокол. Казалось, стоит прозвучать одному удару — и звуковая волна покатится кругами во все стороны. Низкий тембр лишь прибавлял ему устойчивости и торжественной строгости.

Услышав только первую строку, Цзян Тан почувствовал, как тело Фу Линцзюня напряглось.

Лицо его не изменилось, но он незаметно стиснул зубы, будто сопротивлялся какой-то мучительной боли.

— Великой практикой через неисчислимые бедствия утверждаю своё божественное могущество. — Печати в руках Цзян Чаньюаня мелькали всё быстрее. Едва он договорил, в ладонях возник огромный золотой круг. По нему текли триграммы Неба и Земли, а затем он стремительно вырос и обрушился на Фу Линцзюня, словно печать подавления.

Золотое сияние рассеяло громовое пламя перед Фу Линцзюнем, вытащило Янь Цунси из ловушки и с божественным, недоступным прикосновению светом устремилось прямо на него.

Повреждённую душу Фу Линцзюня рвало на части. Дух бурлил, голова раскалывалась от боли. Духовная сила внутри тела вдруг обезумела и, метаясь, ударяла по внутренним органам.

Цзян Тан, свернувшийся у него на груди, невольно занервничал.

Что-то в сюжете пошло наперекосяк. Даосский святой, которого не было в оригинале, появился. Главный герой Сун Цзиньяо не получил кость судьбы и не перевернул свою судьбу, и сегодня его вообще не было в Цзэяне. Неужели траектория этого мира уже изменилась — и именно он, Цзян Тан, стал первой переменной?

— Внутри гремит молния, имя бога грома сокрыто.

— Прозрение пронзает всё, пять ци вздымаются волнами.

— ...

Строка за строкой. С каждым словом Цзян Чаньюаня из самых тёмных глубин сердца Фу Линцзюня поднимались бесчисленные чувства: скорбь, раскаяние, ненависть, ярость, безумие...

С распахнутыми глазами он видел перед собой уже не дождь, а кровавый ливень. Знакомые лица, залитые кровью, одно за другим падали у его ног. Боль пронизывала нервы так, что он едва не сходил с ума, а взбесившаяся духовная сила наконец нашла брешь и ударила по внутренностям. В следующий миг его вырвало большим глотком крови.

Увидев кровь, Цзян Тан перепугался до смерти. Наружные раны он ещё мог зализать и закрыть, но от внутренних повреждений никакие пилюли Фу Линцзюню не помогут. Он ведь умрёт!

Не зная, что делать, он высунул маленькую голову из его объятий, двумя лапками вцепился в одежду и потёрся о подбородок Фу Линцзюня.

У-у-у... Что с ним сделал Цзян Чаньюань? Почему Фу Линцзюнь ранен так тяжело?

— Внутри гремит молния, имя бога грома сокрыто.

— Прозрение пронзает всё, пять ци вздымаются волнами.

— ...

Спокойный, колокольный голос не умолкал. Каждый произнесённый Цзян Чаньюанем иероглиф был заклятием убийства.

Синие жилы вздулись на шее Фу Линцзюня, грудь его тяжело вздымалась. Искалеченные внутренности рвали и скручивали его изнутри. Под этим убийственным заклятием он просто не мог высвободить силу, а бешеная духовная энергия рвала бледную кожу — и та начала сочиться кровью.

Цзян Тан в его объятиях тревожился всё сильнее. Объятия становились всё горячее, будто под тонкой тканью нижней одежды вся плоть уже полыхала огнём.

Мягкое, тёплое тельце снова прижалось к Фу Линцзюню. Боль в нервах, измученных заклятием, на одно мгновение отступила.

— Пойдёшь со мной в ад?.. — тихо спросил он, стирая кровь с уголка губ.

Цзян Тан совсем растерялся. Что ещё за ад? Куда это он собрался? Нет-нет, он ещё не нажился и умирать вовсе не хочет!

Хотя Фу Линцзюнь, конечно, страшно невезуч. В оригинале даже был разбор боевой силы: Цзян Чаньюань всегда подавлял раннего Фу Линцзюня. Не потому, что был намного сильнее, а потому, что именно он его сдерживал.

Что поделаешь: один изгоняет демонов, другой сам демон — да ещё и с повреждённой душой. При встрече тот неизбежно оказывался в проигрыше.

Так может, если не можешь победить, хотя бы беги?

Собачка тяжело вздохнула. Пока гора зелена, дрова найдутся. Разве не таковы все главные злодеи — неубиваемые тараканы, назойливые липучки, которые время от времени выскакивают и портят главгероям жизнь?

— У-у-у... — он изо всех сил пытался донести, что умирать не хочет. Большие глаза стали влажными и жалкими, а пышный мягкий хвостик поднялся и мазнул Фу Линцзюня по щеке.

Ну посмотри же на него! На эту несчастную крохотную собачку! Он в этом мире всего-то чуть больше месяца и ещё даже мяса как следует не ел!

Внутренности были обожжены взбесившейся духовной силой, даже дыхание пахло кровью. Фу Линцзюнь протянул руку и коснулся белого мягкого комочка:

— Всё будет хорошо.

Из ран, разошедшихся под действием заклятия, без конца сочилась кровь. Она стекала по бледным пальцам, смешивалась с дождём и окрашивала его в бледно-красный.

Дождь смывал кровь, а громовое пламя снова проходило сквозь неё.

И громовое пламя, напитанное его кровью, во второй раз охватило весь дождь.

Цзян Тан вдруг почувствовал, что у него кружится голова. Всё перед глазами неудержимо закачалось.

Чёрт! Это чувство он узнавал сразу. В следующую секунду он вспомнил, откуда оно: яд. Яд в крови Фу Линцзюня!

И Цзян Тан снова потерял сознание у него на груди.

Фу Линцзюнь прижал обмякшего зверька к себе и взялся за меч Шифо окровавленной рукой. Заклятия Цзян Чаньюаня подавляли его, но тяжёлый меч ломал все законы. Даже самый простой, самый обыденный удар мечом мог истребить сотни тысяч врагов.

Синяя и белая фигуры пронеслись сквозь громовое пламя и ударили по Фу Линцзюню. Он бился один против двоих, и сражение давалось ему тяжело. Особенно потому, что заклития Цзян Чаньюаня без конца терзали его душу и сокрушали внутренности, а веер Янь Цунси успел оставить на его теле несколько ран.

В эту кровавую битву ворвался и Сян Син. Его крепкое, неуязвимое тело мчалось напролом, преграждая путь Янь Цунси и не отступая ни на шаг.

Громовое пламя, напитанное испаряющейся кровью, горело без конца. Лицо Фу Линцзюня и прежде было белым, а после такой кровопотери стало и вовсе как бумага. Растрепавшиеся пряди липли к щекам. Он был невыносимо красив — и в то же время похож и на бессмертного, и на демона, и на призрака.

Громовое пламя, словно костяная гниль, медленно ползло вверх по ногам Янь Цунси и Цзян Чаньюаня. Сначала они не обратили на это внимания, но после нескольких сотен обменов ударами кожу в местах соприкосновения слегка защипало — и испаряющийся яд внезапно проник внутрь.

Кисть Янь Цунси, не прикрытая одеждой, мгновенно покраснела и начала разъедаться прямо на глазах.

— В громовом пламени яд! — Цзян Чаньюань среагировал быстрее. Яд успел распространиться только по одной руке, и он запер его на кончиках пальцев, не давая подняться выше.

Янь Цунси отреагировал медленнее. К тому моменту, как он укрыл всё тело духовной силой и остановил дальнейшее распространение пламени, вся рука уже стала багровой, и яд стремительно пожирал её.

Кровавый яд испарялся внутри громового пламени. Продолжи они бой — отравление лишь усилилось бы.

— Фу Шэн, подлый ты ублюдок! — в ярости выругался Янь Цунси. Он тут же выудил из пространственной бусины пузырёк с пилюлями, высыпал в рот сразу несколько и швырнул белый фарфоровый флакон Цзян Чаньюаню.

Но стоило противоядию попасть в живот, как яд не только не ослаб — наоборот, разъедание пошло ещё быстрее.

Это был яд, с которым не могли совладать даже культиваторы святой ступени.

— Цунси, времени нет, — Цзян Чаньюань посмотрел на быстро разъедаемую ладонь. — Уходим. В Хуаньюнь!

Пока что они ещё могли силой своей святой культивации сдерживать яд и не давать ему распространяться дальше. Но чтобы его вывести, помочь им мог только святой лекарь из Хуаньюня — первого лекарского учения.

Янь Цунси продолжал ругаться, но всё же жизнь свою любил. Синяя и белая фигуры разом разорвали пустоту и устремились к духовным землям.

Дождь всё лил. Духовная сила, поднятая в теле Фу Линцзюня заклятием, продолжала бесноваться.

— Хозяин... хозяин... — Сян Син хотел подойти к нему, но ему в руки вдруг бросили пушистый комочек.

Бушующая духовная сила без разбора атаковала и тело Фу Линцзюня, и всё живое, что к нему приближалось. Он оперся на меч Шифо и снова кашлянул кровью.

Когда-то Фу Линцзюнь думал: умереть так умереть, жалеть не о чем. А теперь, умирая, он беспокоился о том, что без его духовной силы этот пушистый комочек долго не проживёт.

Ему вдруг захотелось дать ему имя.

Не «тупая собака», а имя, похожее на него самого.

Пушистый белый комочек напоминал сахар, который в детстве мать не позволяла ему есть слишком много. Белый, сладкий — стоило положить на язык, как он таял, и от этой сладости губы сами собой хотели улыбнуться.

Среди людей Фу Линцзюнь был демоном-убийцей.

В подземном мире он тоже станет пожирающим людей злым духом.

Ему дорога в ад. А он — такой чистый.

Ему не место в одной могиле с таким человеком, как он.

— Давай звать тебя Тан-Тан[1], хорошо? — Он хотел погладить пушистую голову, но

буйствующая на кончиках пальцев духовная сила обожгла бы зверька.

Он отдернул руку, улыбнулся и тихо сказал:

— Сян Син, уведи его.

[1] Иероглиф 甜 значит «сахар», «сладость»

<http://bllate.org/book/17032/1600280>